

Сэм Альфсен

РАССЕИВАЯ СУМРАК

ИЗ БЕЗДНЫ
К ЗВЕЗДАМ

18+

Заключительная часть
цикла-бестселлера
«Рассеивая сумрак»

Сэм Альфсен
Рассеивая сумрак.
Из бездны к звездам
Серия «Книжный клуб Мирай»
Серия «Рассеивая сумрак», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73905192

Альфсен, Сэм. Рассеивая сумрак. Из бездны к звездам: АСТ; Москва;

2026

ISBN 978-5-17-176339-8

Аннотация

Решающее сражение с Дарвелем и Тиамой состоится, а герой вне зависимости от обстоятельств погибнет.

Но что, если Нуску не устраивает такой исход? Возможно ли не только вмешаться в судьбу, но и перекроить ее подчистую, игнорируя предостережения духов? Нуску ждут тяготы и испытания, на которые он подписался сам, ведь никто в этом мире, над ним или под ним, не в состоянии сломить его решимость. Таков путь, который он избрал для себя.

Содержание

Том 4	5
Пролог. Встреча и расставание	5
Глава 128. Тяжелее всего – быть человеком	15
Глава 129. Страх	28
Глава 130. Пусть все сгорит в бездном пламени...	40
Глава 131. ...Кроме нас	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сэм Альфсен

Рассеивая сумрак.

Из бездны к звездам

© Сэм Альфсен, 2026

© Norberto Rosewhite, иллюстрация на обложке

© В оформлении использованы материалы по лицензиям

© shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Том 4

Пролог. Встреча и расставание

Тяжелые тучи собрались над Скиданом. Стояла поздняя пора облетающего сезона. В воздухе повисла влага и сильный аромат опавшей листвы. Порывы ветра трепали тяжелый плащ Нуски, но он брел через равнину к непроглядной чаще.

Одиночество тяжким бременем лежало на плечах. Ветер приносил с собой обрывки тихих разговоров и тоскливого плача. Вновь начал накрапывать дождь, но никто из собрав-

шихся сегодня в предместьях Эрьяры и не рассчитывал на хорошую погоду. Все-таки это были похороны фасидца.

После смерти сурии трупа обычно не оставалось. Поэтому в Эрьяре устанавливали маленький памятник, проводили поминальную церемонию и произносили прощальные слова.

Нуска ненавидел это всем своим существом, но и отказаться от участия не мог. Что толку мертвецу от пары-тройки добрых слов? Встанет из земли, улыбнется и пожмет вам руку? О какой памяти можно говорить, если век человека так короток. Нуска уже несколько лет не мог отделаться от ощущения, что вся его жизнь превратилась в череду похорон. Знакомые, друзья, важные служащие, главные сурии... Заканчивали все одинаково. Не пройдет и пары десятков лет, как умрут и те, кто присутствуют на похоронах сегодня.

Какая память? О чем речь? В чем смысл памяти, если и она в один день будет зарыта в землю?

Нуске казалось, что он живет на этом свете слишком долго. Мучительно долго. Жизнь хаванца длинная. На твоих глазах рождаются, вырастают, стареют и умирают, а ты продолжаешь жить, нести бремя памяти в одиночестве.

А ведь расставаться навсегда – это так больно.

Нуска припрятал во внутренних карманах маленькую бутылочку спиртного, привезенную из Карбора. Оказавшись в одиночестве, Нуска наконец позволил себе развалиться под деревом и присосаться к бутылке. Это пойло было очень крепким и обжигало горло. Пара глотков – и Нуска уже рас-

краснелся, а тело охватил жар.

Напевая под нос какую-то тюремную песенку, лекарь отдыхал и предавался воспоминаниям, пока не услышал шаги.

Стражники прочесывали лес и звали Нуску. Кажется, о нем все-таки вспомнили, как же некстати!

Нуска поднялся, спрятал бутылку обратно, стряхнул яркие красные листья со своего синего наряда, традиционного для фасидской похоронной церемонии, задумчиво почесал затылок, а затем бросился бежать.

Когда стража уже наступала на пятки, кто-то схватил Нуску за ногу и рывком затащил в волчью яму. Лекарь так и покатился кубарем вниз. Слава духам, что на дне не оказалось кольев, да и крыша была сплетена из длинных веток, и незнакомец легко установил ее обратно. Хоть листья теперь и не прикрывали ловушку целиком, но найти Нуску стало непросто.

Стражники каким-то чудом миновали ловушку и продолжили поиски. Вероятно, они же ее и установили для поимки волчаков и иной дичи.

На секунду Нуска растерялся. Не было и не будет больше человека в Скидане, который мог бы попытаться ему навредить. Лекаря хоть ножами режь, хоть мечами протыкай – он восстановится и залечит раны с такой скоростью, что вошедший в плоть меч может застрять в нем, как в камне.

Однако затем в голове мелькнула мысль. Трижды в своей жизни он оказывался в такой ситуации. Но разве это воз-

можно?..

Нуска осветил яму несколькими сгустками светлой дэ. Света от них было немного, но хотя бы появилась возможность разглядеть человека, который затащил его в яму.

Это был мальчишка лет пяти с черными волосами и белой маской на лице. От него чувствовалось легкое дуновение темной дэ, но в остальном он походил на человека. Только вот Нуска легко разоблачил этот обман. Эта сущность почти не издавала звуков, от нее не исходил человеческий запах, даже тень, которую она отбрасывала, можно было с трудом охарактеризовать как человеческую.

Несколько раз Нуска открывал рот и закрывал, не зная, как правильнее обратиться. Затем все же обошел неуместное приветствие и сказал:

– А ведь ты говорил, что мы никогда не встретимся. Врунишка.

Глаза мальчика ярко сверкали из-под маски, и на секунду их заволокло странной дымкой. И он сказал то, что никогда бы не сказал маленький несмышленный ребенок:

– Встреча и расставание – это бытие и ничто. Они противоположны и не могут существовать одновременно, но одно неспособно возникнуть без второго. Как жизнь и смерть, как день и ночь, как начало и конец, так и встреча и расставание.

Нуска покачал головой.

– Будь все так просто, мы бы могли надеяться на встречу после каждого расставания. Но смерть разрывает этот круг.

– Когда ты встречаешься с миром, у тебя всегда есть некие ожидания. Порой они не оправдываются. Ты надеешься на встречу, но она так и не происходит. Это и есть «ничто». И оно существует лишь в пределах твоих ожиданий.

Нуска хмыкнул и отвернулся, приготовившись к очередной нотации. Достал свою бутылку со спиртным и как следует заправился перед отправкой в это незабываемое путешествие.

– Это не меняет того факта, что я больше никогда не встречу тех, с кем расстался.

– Я говорил, что мы никогда не встретимся. Вы были уверены, что мы не встретимся. Но мы встретились. И таково бытие.

Нуска ничего не смог на это возразить. Лишь пьяно улыбнулся, протянул руку и растрепал волосы на макушке ребенка.

– Этот облик такой милый!

Мальчишка на секунду надулся и сложил руки на груди. Хоть его речи и манеры были совсем как у взрослого, но совсем не вязались с его внешним видом.

– Вас не удивляет факт того, что я вернулся? – наконец спросил мальчик.

Нуска задумался, покрутил бутылку в руках, затем расположился поудобнее. Что на траве валяться, что в яме, что в темнице, что на кровати – для Нуски все было едино.

– Я давно перестал удивляться. Это было ожидаемо с того

момента, как твой хозяин получил оружие дэ. Но я не догадывался о том, что у оружия такая долгая память.

Мальчик, казалось, довольно хмыкнул. Вероятно, он сейчас улыбался.

– Я некоторое время наблюдал за вами. Даже на похоронах вы не смогли не скривиться на словах о «вечной памяти». Сейчас же вы удивляетесь тому, что меч способен вас помнить.

– Какой толк от памяти меча?

Мальчик вдруг лег посреди ямы, заложил руки за голову и посмотрел вверх. Через просвет в том месте, откуда свалился Нуска, виднелся серый клочок неба. Недолго думая, лекарь тут же упал рядом с мальчиком и тоже уставился вверх. Он чувствовал себя жуком, которого поймали в ведро.

– Памятью обладают не только люди, господин Нуска. Деревья, горы, реки, моря, города, предметы, сама земля. Вы объездили весь Скидан и бывали в Сонии. Разве вам не довелось узнать, что один человек способен оставить на самом мироздании след, который даже духам будет не под силу стереть? Память – это не тяжкое бремя. Память – это подлинное доказательство нашего существования.

До этого момента Нуска лежал в расслабленной позе, закинув ногу на ногу, но на последних словах сел. Листья и грязь прилипли к его плащу, но его это не заботило.

– Неужели недостаточно того, что я существую? Разве тому нужны доказательства? – пробормотал он.

– Вся ваша жизнь – это попытка доказать свое существование. Каждое действие, которое вы совершаете, каждая цель, которую вы перед собой ставите. И это нормально. Вопрос в другом: почему вы хотите отказаться от этих доказательств?

Нуска нахмурился и взглянул на мальчика. Лгать не хотелось, поэтому он сказал:

– Потому что я боюсь боли, которую приносит мне память.

Тогда мальчик подсел ближе и своими маленькими ладошками обхватил руку Нуски. Он крепко сжал ее и сказал:

– Страх тоже доказывает ваше существование. Ведь что-то всегда лучше, чем ничего, верно, господин Нуска? Неужели вы хотите прожить пустую жизнь, ничего не чувствовать и ничего после себя не оставить? Разве вы хотите такой жизни для других людей? Разве вам не кажется это жестоким?

Нуска криво улыбнулся, но позволил малышу держаться за свою руку. Он ответил:

– А разве не жестоко рождаться только для того, чтобы умереть?

Мальчик тихо вздохнул, опустил руки и покачал головой. Он вскинул голову и уставился на просвет в крыше.

– Тогда вы останетесь в этой яме? – язвительно спросил он.

– С чего ты так решил? – удивился Нуска.

– Если уж рождаться жестоко, то лучше и вовсе не появ-

ляться на свет. Раз конец один, то почему бы вам не просидеть в этой яме до самого конца? Неужели вы не замечаете противоречий в своих словах?

Мальчик легко взобрался наверх по выдолбленным в земле выступам, а затем сбросил Нуске веревку.

Несмотря на все свои слова о бессмысленности жизни, рождения или памяти, Нуска, не задумываясь, схватился за конец веревки и выбрался наружу. Затхлый запах земли отступил, а лекарь почувствовал облегчение, оказавшись на открытой местности. Свежий ветер растрепал его волосы, а холодные лучи звезды наконец выглянули из-за облаков.

– Вот видите, Нуска. Что-то – это всегда лучше, чем ничего.

Нуска смог лишь беспомощно рассмеяться. Это выглядело так глупо! Маленький мальчик поучает его... Ну что за глупость!

Мальчик высоко задрал голову и взглянул на Нуску из-под своей маски.

– Поэтому, господин Нуска, лучше встретиться, но расстаться, чем не встретиться никогда. Лучше голодать, чем никогда не попробовать пищи, лучше чувствовать боль, чем ничего не чувствовать, лучше бояться, чем никогда не испытывать эмоций. И быть всегда лучше, чем не быть вовсе.

Возможно, из-за того, что с их последней встречи прошло много лет, а Нуска набрался опыта, он впервые с теплом на сердце смог ответить:

– Я согласен с тобой.

Мальчик тихо засмеялся, а затем помахал рукой на прощание. Его фигура очень быстро растворилась в тени деревьев. Нуска с трудом поборол желание броситься следом и нагнать его, поговорить еще. Но, видимо, это существо сказало все, что хотело.

Сегодня Нуска не чувствовал себя так уж плохо и не был в опасности в отличие от предыдущих встреч с этим созданием. Так почему оно явилось, да еще и в облике маленького мальчика?

День подходил к концу. Стражу было не видать, поэтому Нуска со спокойной душой направился в город. Он прогулялся по знакомым улицам, купил сладкие булочки с маком и вновь наполнил свою бутылку алкоголем.

Несмотря на то, что эта встреча выдалась короткой, как и разговор, Нуске даже дышалось легче. Он смеялся над представлением местной актерской труппы, которая разыгрывала комедию в каких-то закоулках, потому что все увеселительные мероприятия были отменены из-за похорон. Он съел вкусную булочку, а вторую раскрошил и скормил воронам. Он всласть упился алкоголем и свалился с ног где-то в трущобах рядом с местными нищими, которые были в таком хмелю, что заголосили:

- Нашу смрадню посетил дух!
- Дух, спойте для нашей смрадни!
- Что угодно подойдет нашей смрадне!

И Нуска, смеясь, облокотился на кого-то из уже крепко спящих пьяниц и пропел:

*Шторм и ветер, как занавес, пали,
Я добрался до суши живым.
Но мечтал я о грубом итурвале
И о встрече со зверем морским*

*Бесибаиная юность и глупость
Вынуждали в пучину нырнуть.
Беспробудную сладкую участь
Я отверг, не жалея ничуть.*

Глава 128. Тяжелее всего – быть человеком

Не так тяжело быть нищим. Не так тяжело быть сиротой. Да и не так уж тяжело быть и тем и другим одновременно.

Тяжелее всего на свете быть человеком. Именно об этом думал Нуска каждый раз, как открывал глаза в своем ветхом домишке в Хаване.

Мир был лишен красок, а воздух – запахов. Кто этот незнакомец, что прошел мимо дома? Хаванец, фасидец, рир? Неизвестно.

Однако художник, лишившийся рук, может научиться

держат кисть пальцами ног. Но что же он будет делать, если выколоть ему глаза?

– Господин Нуска... все правда в порядке, не переживайте, – сказал Оанн, забинтовывая свою ногу какой-то тряпкой.

Перелом? Вывих? Ушиб?

Нуска ощупывал лодыжку своего подопечного уже в двадцатый раз, но, к сожалению, так и не мог поставить диагноз. Раньше лекарь мог просто коснуться тела больного и увидеть, как по его телу циркулирует кровь, как бьется сердце, как работают печень, желудок. Теперь же он словно ослеп, а значит... стал совершенно бесполезным.

Оанн, чтобы не подливать масла в огонь, решил не обращаться к хаванским лекарям, но легче от этого никому не стало. Ушибленная нога заживала долго, а полукровка то и дело прыгал по дому, подволакивая изувеченную конечность. Когда Нуска уже не смог этого выносить, то разбил кружку. Тарелку. Затем на пол полетело все, что только можно было разбить в этом доме.

– Уходи. И если вернешься с больной ногой, то я примусь поджигать перекрытия, – сухо отрезал Нуска.

Оанн бросил на своего господина жалостливый взгляд. И вышел. Вечером он вернулся совершенно здоровый, но нашел Нуску сидящим на той же софе, на которую он рухнул еще днем.

Не шевелясь, почти не дыша, Нуска сидел, уставившись в пустую стену, на протяжении всего дня.

Он чувствовал себя инвалидом. Никому не нужным, всеми забытым. Прошел месяц, а из Эрьяры не было ни одной весточки. Нуска каждую неделю наведывался к местным лекарям на странные процедуры, но те лишь разводили руками: никто не знал, как вылечить болезнь Нуски.

Пошел второй месяц. Днями напролет лекарь лежал, уткнувшись носом в обивку софы. Иногда Оанн пытался поднять господина и выманить его то выпивкой, то табаком, то вкусной едой, но все было безуспешно.

Однако... Нуска не мог долго сидеть на одном месте. Что-то внутри постоянно подмывало подняться и заняться хоть чем-то. Поэтому он нашел старые анатомические сборники и принялся изучать с еще большим усердием, чем в детстве.

Нуска не просто читал. Он запоминал расположение каждой косточки в теле, каждой артерии, соединения всех существующих сухожилий и мышц.

Оанн бегал вокруг, хлопотал, размахивал руками.

– Господин Нуска, вы вообще не едите и не спите! Да отбросьте книги, отдохните хоть немного...

– Оанн.

– Да? – с готовностью отозвался мальчишка.

– Найди мне труп.

Оанн горестно взвыл и упал рядом на софу.

– Почему вы никогда не прислушиваетесь ко мне?! Все лекари твердят, что вам необходимы отдых и покой, а вы что?

– А помогает их лечение? Нашел кого слушать. Если най-

дешь мне труп, то обещаю как следует поесть и поспать, – не отрываясь от книги, протараторил Нуска.

Уже на следующий день, когда стемнело, Оанн приволок завернутое в черное тряпье тело.

– Господин... куда мне...

– На стол, – спокойно отозвался Нуска и с готовностью поднялся со своего места. Засучив рукава, он направился на кухню и достал из ящика инструменты, очень напоминающие орудия пыток.

Оанн сглотнул. Неужели его господин... тронулся умом? Сегодня он хочет кромсать трупы, а завтра что?..

– Господин... а зачем вам?.. – промямлил Оанн, однако с видом самой послушной собаки зашел следом на кухню и сбросил труп на стол.

– В научных целях. Раз я не могу лечить с помощью дэ, значит, должен научиться другим методам. Например, наши предки изучали строение человеческого тела на трупах, делали зарисовки, по которым сейчас обучаются хаванцы, а также проводили операции, после которых люди не только выживали, но и исцелялись. В своей практике я прибегал к кровопусканию, однако никогда не резал людей живьем в лекарских целях. Думаю, стоит попробовать.

Выслушав все это, Оанн рухнул на стул. Он не мог сказать и слова против, зная, как Нуска страдал, лишенный своих способностей, но и поддерживать молодого лекаря в этом варварском деле не хотел. Круглыми и полными отвращения

глазами он смотрел, как Нуска натягивал на руки кожаные перчатки, снимал с трупа ткань и брал в руки острый и тонкий нож...

Крови было совсем немного. Трупы сильно отличались от живых людей – и Нуска прекрасно это понимал. Сунув руки вглубь тела, он вынул кишки, чтобы изучить брюшную полость и находящиеся рядом органы.

Оанн тут же сбежал с кухни. А Нуска продолжил.

Не так давно он начал снова есть мясо, теперь же без содрогания перекладывал из руки в руку чьи-то внутренности.

«Все это ложь. С моей головой все в порядке. Никакого сильного стресса на поле боя я не испытал. Я здоров как никогда, но мои способности... Они все лгут мне. Все лгут».

Однако докопаться до правды Нуска был не в силах. Он не обладал достаточным количеством информации, да и память стала подводить его чаще, чем раньше. Видимо, дэ усиливала не только слух, зрение и физические способности сурии, но и влияла на многие другие аспекты. Поэтому вместе с зарисовками выпотрошенного трупа Нуска также стал вести дневник наблюдений. Ведь мало кто интересовался разницей между простым человеком и сурии, а Нуска был одним из немногих, кто смог побывать по обе стороны баррикад.

– Достань мне труп женщины либо ребенка, – на следующий день отдал новое распоряжение Нуска.

Оанн лишь беспомощно развел руками:

– Господин, это практически невозможно... Вы можете

попасть под суд за подобные... гм, исследования. Все это в корне неправильно, прошу вас, остановитесь, пока не стало слишком поздно.

Нуска же перевел на Оанна сосредоточенный и спокойный взгляд, а после спросил:

– Мне отправиться самому?

Оанн вздохнул и стал собираться в путь. Нуске ни в коем случае нельзя было заниматься подобным, ведь он не чувствовал дэ, не обладал никакими навыками, а сам Оанн мог с легкостью втереться в доверие к любому человеку или сурии. Однако, отворив дверь, полукровка замер, а затем взволнованно сообщил:

– Господин Нуска! К вам тут... гость...

– Пусть проходит и покажет свою морду, я все равно geh`zal¹ не чувствую дэ.

– А вы уверены, что ему стоит видеть?..

– Без разницы. Пропусти и иди по делам.

Оанн хлопнул дверью, уходя. В прихожей раздались тихие шаги, а вскоре гость вышел на свет. Нуска скользнул взглядом по вошедшему и усмехнулся.

– Тебя я ждал в последнюю очередь. Потерялся, сурии Энки?

Фасидец застыл посреди кухни. Вскинув бровь, он наблюдал, как Нуска копался в уже ошутимо завонявшемся трупке.

– А у тебя... интересные хобби появились, я погляжу, –

¹ См. Словарь лесного языка.

со смешком отозвался Энки и, придвинув стул поближе, сел прямо за обеденный стол, на котором Нуска кромсал тело.

Энки, как всегда, выглядел превосходно: его светло-русые волосы были собраны в низкий хвост, а широкие плечи прикрывала синяя с серебром накидка. Закинув ногу на ногу, загорелый и румяный фасидец сразу перешел к делу:

– Я оторвался от своего провожатого, чтобы успеть перекинуться с тобой парой слов. Мне кажется, твоя болезнь – это чей-то заговор. Дворец просто хотел отослать тебя куда подальше... Водички не найдется?

– Могу вскрыть желчный пузырь и насыпать тебе камней, – хмыкнул Нуска.

Энки махнул рукой и отвернулся, но его синие глаза вцепились в лекаря, наблюдая. Он добавил:

– Готовится что-то масштабное. Эрд собирает армию, Вильна и Нарид выглядят нервными. Что-то явно грядет, а я собираюсь в этом участвовать. Одной крови дракона мне мало.

– Поделиться? – хмыкнул Нуска, по локоть испачканный в темной крови.

Однако возможности не предвиделось. Вскоре явился второй гость, коим был Гирру. Его красные одежды пленяли, а стать заставляла задуматься о своем положении. Он был истинным господином, когда говорил:

– Нуска, у меня возникла серьезная проблема...

– Прости, конечно, но я больше не лекарь. Обратись к лю-

бому другому хаванцу в этом городе. Да и я немного занят...

– Я про... девушек...

Нуска непонимающе изогнул бровь.

– У Ванери переходный возраст, а я ничего не понимаю в девушках...

– А я понимаю?!

– Я понимаю! – горделиво вскинув голову, влез в разговор Энки.

Нуска хлопнул себя по лицу, оставив на нем отпечаток кровавой пятерни, и добавил:

– Главный сурии огня Гирру, он просто бабник. Боюсь, ты обратился не по адресу...

– Я бабник?! Когда ты последний раз видел, чтобы я менял женщин?!

Нуска вздохнул. Гирру, грустными глазами наблюдая за лекарем, сказал:

– Может... все-таки поговоришь с ней? Мне твои советы очень помогли в свое время.

Двое устроились за столом, залитым кровью. Это выглядело и смешно, и грустно одновременно. Нуска продолжал разделявать труп, а двое гостей просто делали вид, что ничего особенного не происходит.

– Позволь... – вдруг обратился Гирру. Встав и подойдя ближе к Нуске, он наклонился, чтобы указать пальцем: – Вот здесь следует разорвать ткань, чтобы отделить желчный пузырь от других органов. Подними его чуть выше, не бойся.

Энки тоже подошел и нахмурился. Однако в разделке трупов он ничего не понимал, поэтому просто стоял рядом с недовольным лицом.

Нуска же продолжал орудовать ножом под чутким руководством Гирру.

– Далее следует отделить печень, если хочешь на нее взглянуть. Это важный орган, который необходим человеку, в отличие от желчного пузыря, так что удалять его следует только у трупов. Но ты можешь как следует его изучить...

– Сурии Гирру, как я погляжу, ты изучал строение человеческого тела явно не по книжкам, – задумчиво протянул Нуска, но последовал рекомендациям – дело сразу пошло намного быстрее.

– Ты достаточно знаешь о моем прошлом, чтобы строить разного рода предположения, – с улыбкой заметил Гирру, а затем снова тяжело и по-отечески вздохнул.

Нуска, который меньше всего сейчас желал копаться в органах под присмотром двух сурии, вонзил нож в стол и отошел в сторону.

– Хорошо, хорошо, я поговорю с ней, но ничего не обещаю... В чем вообще проблема?

– Она нашла себе парня и... каждый день рассказывает мне о том, кого из его окружения ей хотелось бы расчленить... Это, гм, немного незаконно и напрягает.

– Действительно, – со вздохом согласился Нуска и закатил глаза. Видимо, это типичная проблема у подростков из рода

Герье: хочется выпотрошить пару-тройку, а иногда и целую толпу людей.

– Только вот главный сурии Гирру сразу заговорил о своих проблемах, но так и не перешел к истинной цели нашего визита, – влез в разговор Энки, который со скучающим видом уже начал листать одно из лекарственных пособий.

– Нас прислали проверить состояние Нуски, только и всего, – пожал плечами Гирру. Однако он явно что-то недоговаривал.

– Я прямо вижу, как дворец отправляет полубога и главного сурии справиться о моем здоровье. Учитывая грядущее переломное сражение, это звучит особенно убедительно, – съязвил Нуска. Привалившись спиной к печи, он, не снимая перчаток, набил трубку и с помощью огнива не без проблем, но прикурил. Гирру хотел помочь, но лекарь остановил его жестом руки.

– А ты та еще заноза в заднице, когда рядом нет эрда, – хмыкнул Энки. Прищурившись, он долго смотрел на Нуску, а затем добавил: – Ты словно маленький злобный дракончик, которому наступили на хвост. Плюешься огнем, рычишь, еще и укусить можешь. У меня где-то остался шрам... Поискать?

– Naitee, – грубо перебил его Нуска. Шагнув вперед, он вновь взялся за рукоятку ножа.

Энки, легкомысленно улыбнувшись, замахал руками и покачал головой.

– Нет и нет, не буду же я при всем честном народе снимать свои шта...

Не успел он закончить, как нож прилетел в спинку стула. Ровно в трех сантиметрах от лица знатного фасидца. Энки сглотнул и улыбнулся шире, но на этот раз предусмотрительно промолчал.

А Нуска закипал. Казалось, хоть кто-то сейчас скажет ему слово – и окажется рядом с тем трупом для дальнейших исследований. Поэтому, когда раздался стук в дверь, лекарь тут же вооружился ножом и направился напрямиком ко входу.

– Нуска, может, не стоит... – неуверенно начал Гирру, но было поздно.

Оанн не стал бы стучать в дверь – зашел бы сразу. Значит, кто-то еще приперся напрямиком из Эрьяры. Кто-то, кого Гирру узнал по дэ. Однако Нуска, лишенный внутреннего чутья, не мог различить дэ еще одного незваного гостя. Но кого это должно беспокоить – хозяина дома или сурии, который решил явиться в его дом посреди ночи?

Поэтому Нуска, с ног до головы перепачканный в крови и вооруженный ножом, рывком распахнул входную дверь.

Перед ним стояла молодая и очень красивая девушка, как две капли воды похожая на Гирру. Сначала ее глаза расширились от удивления, однако реакция была молниеносной – в Нуску тут же полетел залп. Опалив одежду, руки и легкие лекаря, огонь тут же исчез, а девушка заверещала:

– Нуска?! Зачем так пугать, бездна дери! Я думала, это

дух-потрошитель!

Сурии обступили Нуску, а он лежал, уставившись в потолок. Легкие и руки горели от боли, но, собравшись с духом, лекарь громко завопил:

– ПОШЛИ! ВСЕ! ПРОЧЬ!

– Но тебе нужна помощь...

По комнате пролетел нож.

– Может, мы хотя бы позовем лекаря?..

Энки получил в голову ногой.

– Простите, Нуска... Я сильно испугалась...

Но Нуска отпихнул даже девушку.

Трое сурии с несчастными лицами выстроились в ряд прямо у открытой двери, когда в дом, заслышав шум, ворвался Оанн. Быстро оценив ситуацию, он начал выпихивать гостей из дома.

– А куда нам идти?.. – проворчал Энки.

– В таверну! – злобно выкрикнул Оанн.

– Мы можем чем-нибудь помочь? – виновато отозвалась Ванери.

– Нет! – отрезал Оанн.

– Я приношу свои искренние извинения... – начал Гирру, но дверь захлопнулась перед его носом.

Оанн тяжело дышал. Было заметно, что он бежал сюда изо всех сил. Заперев дверь на замок с помощью дэ, он тут же бросился к Нуске на помощь.

– Я не могу... – дрожащим голосом начал он.

Нуска тут же покачал головой. Говорить он не мог: вся глотка была опалена.

Оанн вздохнул и помог своему господину перебраться на софу, а затем призвал ледяное пламя – оно, окутывая голову и грудную клетку Нуски, эффективно снимало болевые ощущения.

Нуска же продолжал пялиться в потолок. С того момента, как он получил травму, он не издал ни одного жалобного звука, не пожаловался, не поморщился. С холодным лицом снося боль, он перевел благодарный взгляд на Оанна, в котором читалось: «Только ты один меня понимаешь».

Глава 129. Страх

Ночью Нуску лихорадило. Он подсказал Оанну, какие настойки и как использовать, чтобы вылечить ожоги, сбить жар. Не смыкая глаз, обеспокоенный мальчишка всю ночь менял холодные повязки на лице и шее Нуски, а также проверял его пульс и состояние каждые десять секунд. Когда самое страшное оказалось позади, Оанн сжал ладонь Нуски и, уставившись в посветлевшее окно, хрипло заговорил:

– Господин Нуска, вы много раз говорили, что Син бессмысленно страдает, что он конченный мазохист, что он не может прожить и дня, не наказав себя. Но я могу понять, за что наказывает себя эрд. За что же себя наказываете вы? По-

чему вы не можете жить счастливо? Зачем вы терпите всю эту боль? Почему бы, как раньше, не пойти в таверну, не напиться, не выкурить трубку в кругу друзей и не устроить пару-тройку шалостей?

Нуска плохо соображал, а голос Оанна слышал как через толщу воды. Однако он улыбнулся и просипел:

– Сила не дается легко. Путь на вершину идет через обрывы, крутые спуски и ледяной ветер. А сейчас я как никогда нуждаюсь в силе.

Оанн сжал руку своего господина, склонил голову и зашмурился. К его глазам подступили слезы. Он невнятно забормотал:

– Я проделал такой же тяжелый путь, что и вы, но не понимаю. Какую силу вы получите, страдая вот так, от ожогов?

– Знания и веру в себя.

На этих словах Нуска отвернулся, дав понять, что не в силах продолжать диалог. Плечи Оанна дрожали, а про себя он в сердцах проклинал тот день, когда Нуска встретил эрда и пошел по этому полному боли, отчаяния и невзгод пути.

Хоть Нуска и был против вмешательства других хаванцев, Оанну было все равно: он относил снадобья местным лекарям и просил наполнить бутылочки светлой дэ. Только тогда Нуска пошел на поправку. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы Оанн слепо повиновался всем прихотям своего господина.

Нуска поправился. На нежной коже хаванца не осталось

даже следов от ожогов. Вероятно, и сам Нуска подозревал неладное, но решил промолчать, чтобы не выслушивать причитания Оанна на протяжении нескольких недель.

Вскоре на покаяние явились и сами виновники происшествия: на этот раз Нуска как следует рассмотрел повзрослевшую Ванери. Волосы струились по плечам молодой красавицы, а красное платье подчеркивало, что она уже не девочка, а молодая девушка. Однако ее глаза завораживали, вызывали легкую дрожь в теле, будто ты неудачливый охотник, которому удалось встретиться взглядом с диким голодным тигром. Сердце тут же пропускало удар, но не от красоты госпожи Герье, а от страха за свою жизнь.

Когда Гирру, его дочь и Энки вновь вломились в дом, Нуска со вздохом замахал рукой, пытаясь их выпроводить.

– Мы хотим извиниться! – тут же встряла Ванери. Ее лицо выглядело несчастным, будто бы она в самом деле сожалела о содеянном. – Пожалуйста, позвольте отвести вас в таверну и как следует накормить...

Нуска покачал головой, но, что удивительно, согласился.

Когда хаванец покинул комнату, чтобы переодеться, трое устроились за столом и, склонив головы, зашептались.

– Ни для кого ведь не секрет, что дочь Тиамы способна запечатать чужие способности? Вы ведь понимаете, что это значит? – начал Энки.

– Только безмозглый не поймет, сурии Энки. Однако мы не можем разглашать подобную информацию. Хотя власть

эрда и ограничена, но в военное время он может прибегнуть к заключению под стражу, если важная информация покинет пределы дворца и военных заседаний, – напомнил Гирру.

Ванери нахмурилась, а затем предложила:

– Тогда нам следует направить Нуску. Сделать так, чтобы он сам нашел ответы.

– Каким образом? – уточнил Гирру.

– Хм... Если я правильно помню, то вся эта ерунда началась с предсказания какого-то хаванца? – припомнил Энки.

– Верно, – подтвердил Гирру и поднялся. – Мы должны посоветовать Нуске обратиться к тому медиуму. Есть вероятность, что он сам докопается до истины. Он ведь не глуп.

Когда Нуска выглянул из своей комнаты, то увидел, как трое сурии о чем-то подозрительно шушукаются. Хмыкнув, он подал голос:

– Пользуетесь тем, что я не могу подслушать? Хороши ваши извинения.

– Простите, господин Нуска, – тут же стала раскланиваться Ванери.

– Не суть. Пойдемте. Я знаю одно местечко, – махнув рукой, ответил Нуска и направился к выходу.

Оанн этим вечером был занят закапыванием трупов, поэтому четверо сурии отправились напрямик в таверну, не дожидаясь подопечного Нуски.

В заведении было оживленно. Хаванцы могли пить днями напролет, но никогда не мучились от похмелья, поэтому

в местных трактирах и тавернах подавали поистине крепкое пойло. Темный неочищенный эль хоть и имел терпкий вкус, но сладость перебивала горечь. Напиток был отменным. После пары пинт сурии как следует напились, а Ванери лишь пригубила эль, ведь у юных арцентов алкоголь был под строгим запретом.

– Хех, Нуска. Мы все хотели тебе сказать... не думаешь ли ты, что предсказание и твоя болезнь каким-то образом связаны? – спросил Энки.

Нуска пожал плечами. Суть предсказания ни для кого в Скидане не была секретом уже несколько недель. Умалчивалось лишь имя хаванца, которому суждено уничтожить страну. Однако Нуске и не потребовалось четкое указание: сейчас для него было очевидно, что в Хаване он оказался не случайно.

– Конечно, знаю. Я здесь в ссылке, – пожал плечами Нуска. Нахмурившись, он влил в себя пинту разом, а затем утер рот рукавом. Опустив взгляд, уставился в засаленную столешницу.

– Гм, тогда... – подал голос Гирру. – Ты хотел бы вернуться с нами в столицу?

– Нет, – отмахнулся Нуска, а затем закусил местным деликатесом – копченой крольчатиной.

– Почему же? Если все произошедшее с тобой – это чей-то дурной замысел, то ты мог бы вывести виновников на чистую воду и потребовать некий антидот.

Нуска облокотился на стол и стал тереть лицо. Он выглядел на редкость уставшим, а его взгляд – тяжелым и пустым.

– Даже если каким-то образом я смогу найти виновника, то никто не вернет мне способности, пока война не закончится. Все напуганы предсказанием и боятся за собственные reh`zal шкуры.

– Если окружающие думают о своих шкурах, то почему бы тебе не задуматься о своей? – легкомысленно предложил Энки, воздев руку с элем над столом. Сурии тут же чокнулись – и залпом осушили свои пинты. – Я всегда так делаю!

– Мы в тебе и не сомневались, – закатив глаза, отозвался Нуска. Изнутри его мучили самые настоящие отродья бездны: он не мог принять решение, сколько бы ни раздумывал над возникшими проблемами.

И тут голос подала Ванери:

– Ты чего-то боишься?

Она попала в точку. Нуска криво улыбнулся и провел пальцами по розовым отметинам ожогов, которые хоть и с трудом, но все еще можно было заметить на его коже.

– Я боюсь именно этого, сурии Ванери. Больше всего на свете я боюсь самого себя, а точнее – своей беспомощности. Именно этот страх заставлял меня несколько лет жить в трущобах и не мечтать о лучшей жизни. Я боюсь, что...

Нуска снова уставился в одну точку, а его голос сорвался. Он не смог это произнести. И так слишком много было сказано под влиянием алкоголя.

Но Ванери мягко накрыла ладонь Нуски своей, а затем улыбнулась. В ее глазах горели решительность и участие – очень странное сочетание, которое сделало свое дело.

Набрав в легкие побольше воздуха, Нуска выпалил:

– Я боюсь, что в критический момент... буду бесполезен. Что на моих руках, как в детстве, десятками будут умирать люди, которым я не смогу помочь. По этой причине я вскрываю трупы и продолжаю изучать лекарское дело.

Рука Нуски дрогнула, он отдернул ее и еле слышно добавил, низко свесив голову:

– Да и одной смерти будет достаточно, чтобы я не знал, как мне жить дальше. А это предсказание все усугубляет. Если исходить из него, то я не только не принесу никакой пользы, а, наоборот, уничтожу все собственными руками.

Некоторое время все молчали, обдумывая слова Нуски. И первым голос подал Гирру:

– Ты ведь знаешь, что мы не обычные сурии? В наших руках судьба Скидана. Что бы ни предсказал медиум, ты способен менять судьбу.

– Так было до того, как я потерял свои способности. Не ты ли говорил, что для того, чтобы изменить судьбу, недостаточно иметь одну возможность это сделать. Для подобного трюка нужны силы. У каждого сурии была возможность стать эрдом, но им стал Син. И все мы знаем почему.

Кривая улыбка не сходила с лица Нуски. Сейчас он чувствовал себя большим отбросом, чем когда врачевал поло-

вые болезни в трущобах.

– И ты совсем не хочешь копнуть глубже и найти ответы на вопросы? Не хочешь вернуть способности обратно? – изогнув бровь, уточнил Энки, а затем рассмеялся: – Не отсутствие сил делает тебя слабаком – ты сам делаешь себя таковым, когда несешь все это blathien!

Нуска тут же вскочил и выплеснул остатки эля прямо в лицо наглому фасидцу – тот на секунду застыл, словно произошедшее сломало все его представления о мироздании и сотворении континента.

– Не тебе, кусок blathien, рассуждать о моих проблемах. С самого детства с тебя сдували пылинки – не дай духи божественный Энки испачкается! Что бы ты знал о моих проблемах? Ты даже пальцем не пошевелил, чтобы спасти членов команды! Все они оказались мертвы по твоей вине. И ты еще пытаешься меня поучать?

Энки усмехнулся и, сощурившись, злобно уставился на Нуску.

– А много ли ты смог сделать, чтобы спасти нашу команду? Не ты ли был единственным лекарем на корабле? А что в итоге ты делал? Валялся в кровати и...

Нуска замахнулся и вмазал Энки кулаком по лицу. Фасидец долго не мог прийти в себя и ответить, потому что ему в жизни не приходилось драться на кулаках; он даже не осознавал, что происходит, когда Нуска накинудся на него и стал удар за ударом разукрашивать его физиономию.

Закончилось все тем, что Гирру оттащил Энки, а Ванери – Нуску. Но лекарь еще долго размахивал кулаками в воздухе. Казалось, отпусти его – и он будет избивать Энки еще сутки напролет.

Гирру вздохнул и сказал:

– Я уведу Энки, а вы поговорите. Вроде у вас неплохо складывается разговор. К тому же я хотел, чтобы ты обсудила с ним свои проблемы.

Ванери с улыбкой кивнула отцу, а затем стала усаживать Нуску на стул, бережно и мягко, будто тот был несмышленным ребенком.

Нуска пришел в себя, лишь когда лицо Энки пропало из его поля зрения. Поморщившись от подступившей к горлу желчи, лекарь не сдержался и сплюнул на пол. Казалось, если бы он чуть дольше лицезрел самодовольную улыбочку божественного Энки, его вывернуло бы наизнанку от злости.

– Сурии Нуска... – мягко начала Ванери. – Все же попробуйте сделать то, что вам под силу. Сходите к тому самому медиуму, который предсказал будущее. Вдруг он ошибся или узнал что-то еще? Попытайтесь.

Нуска тяжело дышал и тёр раскрасневшиеся после крепких ударов руки о бедра. Пытаясь вернуть себе самообладание, он коротко кивнул.

– И... отец хочет, чтобы я посоветовалась с вами по поводу своей проблемы. Однако я хочу обсудить и проблемы самого Гирру...

Нуска попытался сфокусировать взгляд на Ванери, а затем снова кивнул, показывая, что слушает.

– Гирру... снова пристрастился к каким-то снадобьям. Вся его жизнь – это... зависимость. Либо от людей, либо от каких-то веществ. Я не знаю, что мне делать. Как только я выросла, он почувствовал, что больше не несет за меня ответственность, а потому может позволить себе подобное. Только по этой причине я периодически становлюсь участницей скандалов. Чтобы Гирру иногда вспоминал, что он еще и отец.

Нуска моргнул и вздохнул. Постучав по столу пальцами, он сказал:

– Ты была для него спасением. Но ты не способна изменить его – только сам Гирру может стать причиной своих внутренних изменений. Он никогда не был полноценной личностью, он не знает, каково это, иметь вкусы или желания. Он хороший, но... слабый человек. И я боюсь, что именно тебе придется стать его силой. Ты не должна устраивать потасовки, тебе следует прямо сказать Гирру о том, что ты нуждаешься в опоре и в отце. И вам следует нанять придворного лекаря, чтобы постоянно следить за его состоянием и не допускать перегрузки дэ в каналах и помутнение рассудка.

Ванери часто закивала, а затем со вздохом откинулась на спинку стула. Ее скучающий взгляд скользнул по заведению, потонувшему в полутьме, по расплывшимся и пьяным лицам завсегдатаев таверны.

– Знаете, Нуска. Я все еще помню тот день, когда встретила вас. Как же долго я раздумывала о том, какую смелость нужно иметь, чтобы среди ночи забраться в дом сумасшедшего аристократа. Вы говорите про свои утраченные способности, но... я считаю, что ваша сила не в дэ. Ведь не дэ заставила вас найти тайный ход, перелезть через ограду и запрыгнуть прямым в окно одного из сильнейших арцентов на континенте. А затем еще и убедить его оказать вам помощь. Вы слишком недооцениваете себя.

Глаза Нуски на секунду зажглись, но затем вновь потухли. Слабовольная улыбка вновь заиграла на лице этого несгибаемого хаванца, когда он заговорил:

– Ты не пережила то, что пережил я. На моих глазах близкие люди умирали один за другим. Их кровь текла по моим рукам. Я чувствовал, как замирает их дыхание, а глаза становятся стеклянными. Я – хаванец и лекарь, я должен был их спасти.

– А теперь подумайте, как много людей лежало бы сейчас в земле без вашей помощи. То, что вы ничего не будете делать, не снимает с вас ответственность. Возможно, даже руками, знаниями и ножом вы прямо сейчас можете кого-то спасти. Но вместо этого сидите в таверне, жалеете себя, напиваетесь и избиваете каких-то дураков. Вам не кажется, что Энки в чем-то да был прав? Поэтому вы и разозлились, не так ли?

Нуска хотел громко выругаться, закричать, начать спо-

рять, но, спрятав лицо в руках, тяжело вздохнул и кивнул.

– Я знаю. Так не может продолжаться, Ванери. Но я так устал противостоять судьбе. Моя семья была убита. Эрду предначертано умереть, а мне – уничтожить Скидан. Тиа-ма хочет истребить человечество. Я был заброшен в другую страну, где несколько лет жил рабом. Но стоило мне вернуться, как я был лишен последнего, за что держался, – своих сил. Больше всего я боюсь, что...

Нуска не закончил и скрючился на столе, закрыв голову руками. Запах эля бил в нос, шум голосов за соседними столами перебивал мысли, решительный взгляд молодой арцентки обжигал голову.

«Больше всего я боюсь, что эрд умрет на моих руках, а я ничего не смогу сделать».

Глава 130. Пусть все сгорит в бездном пламени...

Ссамого утра лучи звезды пробивались в окно, но не гре-
ли, а лишь слегка щекотали кожу своими касаниями. Нуска
же впервые в жизни мучился от похмелья.

Несмотря на невыносимую головную боль и тошноту, он с
интересом изучал и записывал свои ощущения, пока лежал
в постели. Белое хлопковое покрывало мягко скользнуло по
его ногам на пол, а лекарь продолжал черкать заостренным
углем в записной книжке.

Оанн отсыпался после бессонной ночи на кладбище и

громко сопел на соседней кровати. Воспользовавшись слабостью своего подопечного, Нуска вскочил и начал собираться.

В голове крутились различные мысли и идеи, многое Нуска желал обдумать, но он не был таким уж мастером мысли, зато дела – вполне. Если что-то можно было решить дракой или переполохом в храме, то письмо с просьбой выслать ему несколько взрывных устройств уже летело бы к Хайе.

Облачившись в неприметные серые одежды, Нуска шмыгнул на улицу. Он хотел притвориться обычным человеком, которым сейчас и являлся, и попытаться вывести что-то у служителей храма.

В Скидане лишь дворцы аристократов выделялись некой помпезностью, зато все статуи и храмы были выдержаны в лаконичном стиле. Вероятно, это позволяло сделать место для молитвы доступным каждому: здесь любой скиданец ощущал себя как дома. Ни бедных, ни больных, ни грязных не беспокоили и позволяли им находиться на территории храма до тех пор, пока они не нарушали правила и спокойствие прихожан.

В принципе это было все, что Нуска знал о религиозной части Скидана: ни он сам, ни его отец никогда не посещали храмы, не праздновали дни рождения духов, не делали подношений.

Погода с каждым днем становилась хуже. Нуска, разглядывая со стороны небольшой двухэтажный храм с остроко-
нечной крышей, покурил трубку и то и дело поднимал

взгляд на тяжелое серое небо.

Именно таким сумрачным шайшайским днем они когда-то встретились с Сином. Так долго вглядываясь в облака, Нуска поймал тот самый момент: снежинки нежной сверкающей россыпью закружились в воздухе.

Затаив дыхание, Нуска бросил трубку на землю, чтобы поймать снежинки и позволить им растаять на кончиках своих пальцев. Ощувив странный подъем и вспомнив долгие дни, проведенные в заснеженных горах, Нуска скорее почувствовал, чем понял, что в этом мире не только сурии обладают силой, но и обыкновенные люди. Сжав ладонь в кулак, лекарь уверенным шагом направился в храм.

Там как раз происходил некий ритуал: служители собрались в круг и читали жития духов возле постамента, а около двадцати хаванцев стояли на коленях и молились про себя, низко свесив головы.

Нуска стоял в дверях, сложил руки на груди и стал дожидаться окончания ритуала, чтобы не дай духи не нарушить какое-то негласное правило.

Как только молитвы и песнопения завершились, так и не затронув ни одной струны в душе лекаря, он скользнул в тень и попытался незаметно последовать за служителями. Однако в который раз не рассчитав разницу между человеком и сурией, Нуска сразу попался. Один старик разом развернулся и поманил его пальцем.

Со вздохом лекарь вышел из тени и уставился на старого

хаванца. Ему наверняка уже перевалило за сотню, но он продолжал ежедневно проводить подобные ритуалы. Наверняка его вера была крепка. Равно как и неверие Нуски.

– Подойди, брат, – пробормотал старик. – У тебя есть ко мне некое дело?

Нуска задумался только на секунду, в его голове со скрипом поворачивались колесики, намереваясь выдумать хоть какую-то правдоподобную ложь. Но это было бессмысленно. Плюнув на это дело, Нуска выдал:

– Хочу поподробнее узнать о предсказании.

Старик нахмурился. Он долго разглядывал Нуску, прежде чем улыбнуться и сказать в ответ:

– Так ты и есть Нуска? Я рад, что эрд смог найти решение проблемы. Теперь ты обыкновенный человек, а значит, не сможешь стать частью пророчества.

– Так это вы предсказали ту дребедень? Вы не задумывались о том, что будь предсказания непреложны, то ни один сурии и даже эрд не смогли бы помешать его воплощению?

– Эрд не обычный человек. Он способен менять судьбу, – покачал головой служитель и низко свесил голову. Тень от капюшона упала на его лицо, а руки он спрятал в длинных рукавах.

– Но и я тоже, – приподняв бровь, ответил Нуска.

– Для этого нужны силы, – развел руками служитель и улыбнулся вновь. – Но теперь у тебя их нет.

Как и когда-то в Сонии, кровь прилила к голове, а руки

зачесались. Перед глазами Нуски пронеслись разного рода картины: как он убивает служителя, а затем пешком добирается до Эрьяры, чтобы дать эрду по лицу.

Один полоумный старик верил голосам в своей голове, а другой к нему прислушался! Кто из них больший дурак?

Не уловив перемен в своем собеседнике по той причине, что тот не испускал никакой дэ, старик решился продолжить:

– Почему бы тебе не примкнуть к служителям храма? Мы принимаем и обыкновенных людей, если их вера крепка. Это будет отличный исход для такого, как ты. На моем веку было много угроз человечеству – что ни говори, а став угрозой однажды, ты с высокой вероятностью становишься ей снова. Потому и скорая смерть эрда – это хорошо. Он угрожал Скидану с момента своего рождения. Точнее, он был рожден для того, чтобы уничтожить всю жизнь на континенте. Так сошлись звезды в момент его рождения. Затмение, комета, древний темный род... Конечно же, это не случайно. Нам повезло, что эрд оказался благочестивым человеком, готовым отдать жизнь за свой народ. Но до тех пор, пока он жив, он продолжает быть угрозой... Однажды пригрев на груди ядовитую змею, нельзя надеяться на то, что если она не укусила сразу, то не укусит никогда.

Нуска стерпел даже насмешки над своим плачевным состоянием. Но сравнение эрда, который готов отдать свою жизнь ради спасения Скидана, со змеей...

Он улыбнулся. В его глазах заплясал сам безднов огонь.

Этот лекарь был широкой души человек: и любил, и ненавидел он от всего сердца.

Просто убить старика? Глупая затея. Тот и сопротивляться не будет, да еще поблагодарит Нуску за то, что тот поскорее отправит его в близкое небытие, к духам.

Нуска осмотрелся и медленным шагом обошел небольшое помещение. Деревянные полы скрипели под его ногами. Высокие дубовые балки удерживали ветхий потолок, лишь снаружи покрытый известью и краской.

Остановившись у одного из высоких канделябров, Нуска сказал:

– Знаете, что я думаю о вашей вере, о вашем предсказании и о ваших духах? Как жаль, что вы не знакомы с лесным языком... А потому я буду выражаться так, чтобы вам стало ясно.

Один толчок – и канделябр с шестью свечами полетел на пол. Горячий воск потек по доскам, а запах гари почувствовался в воздухе.

– Постой! Что ты делаешь?!

Старик стал громко звать на помощь других служителей и, не теряя времени, сорвал с себя одежду, чтобы потушить занявшиеся половые доски.

Но не успели другие служители подоспеть на помощь, как Нуска бросился к следующему канделябру – и швырнул его прямо в окно. Шторы занялись еще быстрее, чем полы, а через пробитое стекло проник ветер, раздувая пожар. Один за

другим высокие металлические подсвечники падали. Старик метался из стороны в сторону, но не мог потушить все очаги – на его лице отразилось отчаяние и заблестели слезы. Однако Нуска не чувствовал себя виноватым.

«Посылать на смерть правителя своей страны... называть его ядовитой змеей и угрозой... Что стало бы с твоей страной, если бы он не защищал ее?! Почему ваша религия ставит эту грудку досок выше жизни человека?!»

Вскоре на помощь явились другие хаванцы, но было поздно: огонь уже разгорелся, пополз вверх по перекрытиям, к несущим балкам. Никому из присутствующих не было дела до виновника происшествия – все свои силы они пустили на то, чтобы спасти храм. Кто-то побежал за водой, кто-то, как и главный слугитель, стал рвать на себе одежду, чтобы ею попытаться унять пожар.

Однако вскоре дым заставил всех хаванцев покинуть навсегда утраченный храм. Еще секунда – и они бы задохнулись или оказались придавлены крышей. Нуска стоял в отдалении. Он отыскал на земле свою трубку, как следует встряхнул ее, а затем подошел поближе, чтобы прикурить прямо от горящего храма.

Конечно, Нуска обжегся, опалил лицо и наглотался дыма, но с самым что ни на есть довольным лицом наблюдал, как полыхает храм духов под отчаянные вопли верующих.

Вскинув голову к небесам, лекарь сказал:

– Вот что я думаю об играх с людскими жизнями и о по-

добных предсказаниях, мерзкие hve.

К тому моменту, как подросла стража, Нуска уже скрылся в переулках. Он знал, что его будут искать. Да и место жительства последнего сына Аргаль ни для кого не было секретом.

Потому до того, как отправиться в свои вынужденные странствия, Нуска сделал то, чего ранее никогда не делал. Отыскав почтовую гончую, он передал наспех начерканное углем на вырванном листе и запечатанное письмо.

В нем была всего одна фраза:

«Пусть все на этом h`aidgehl континенте сгорит в бездномом пламени, кроме нас.

Высшему сурии эрду Сину от Нуски»

Уже через полчаса Нуска пробрался к себе домой, растолкал Оанна и стал собираться. На все расспросы полукровки пришлось махнуть рукой: уж не до этого было. Выскочить из дома они успели в последнюю минуту – туда сбежалась вся стража Хаваны.

Невыспавшийся, сонный и измученный, Оанн бросал полные жалости взгляды на поднимающийся из центра города дым.

– Вы... господин Нуска... что вы...

– Ногами шевели. Ну, сжег храм – с кем не бывает?

Оанн на секунду застыл и схватился за волосы: казалось, он вот-вот вырвет их.

– Шевелись. У меня нет времени отсиживаться в тюрьме.

Нуска смутно представлял дальнейший план действий. Уж слишком рискованно было то, что он сотворил.

– Господин... иногда мне кажется, что вам скучно живется. Почему вы не могли просто взять и отправиться в Эрьяру к Сину, раз так хотели?! Почему для того, чтобы это сделать, нужно было сжечь все мосты, и храм в том числе?! То же самое вы сотворили и в Сонии! Слово для того, чтобы решиться на какое-то действие, вам нужны отчаянные условия!

– Может быть, так и есть. Но я все же думаю, что я всегда выбираю лишь один из двух путей: либо не делаю ничего, либо делаю то, что считаю правильным. Только будучи чест-

ным с самим собой, я решаюсь на действия. Я не могу делать что-то вполсилы, не могу сдерживать рвущиеся наружу чувства. Либо все, либо ничего.

Оанн продолжил отчаянно мотать головой, пока Нуска за руку тащил его через лес.

Вот так и подошли к своему логическому завершению их спокойные деньки в Хаване.

Глава 131. ...Кроме нас

Их искали. Посреди ночи Оанн будил Нуску, а затем уводил глубже в лес. Теперь они не могли зайти даже в деревеньку: стража была повсюду.

– А я и не знал, что Скидан – такая религиозная страна... – пробурчал сонный Нуска, когда его в очередной раз разбудили.

– Замолчите! Поднимайтесь! – кричал Оанн. Схватив господина за руку, он волочил лекаря через лес.

Уже около семи дней они находились в бегах. Дорога до Эрьяры заняла еще больше времени, потому что им приходилось передвигаться окольными путями.

Спрятавшись в кустах, Нуска со стороны наблюдал за особым навыком Оанна.

– Ты здесь один? Мне кажется, ты очень похож на... – говорил стражник.

– Что вы, господин, я живу в соседней деревне. Вышел за хворостом, – отвечал Оанн.

– О, хорошо. Мне проводить тебя до дома? Ночью здесь можно встретить стаю волчаков...

– Нет, что вы, господин. Я справлюсь. Живу здесь с малых лет.

Ближе к утру они скрылись в пещере. Полукровка уснул сразу же, как расстелил подстилку. А вот Нуске отчего-то не спалось. Разгуливая по пещере, лекарь заметил странную форму свода, будто бы вырытую стальными когтями.

«Драконья пещера! В таком месте мог жить дракон-сиф или дракон-хаванец», – решил Нуска, а затем тут же побрел в глубь пещеры. Отыскав потайной ход, он бесстрашно брел в темноте. Проход не был слишком узким, так что Нуску ничего не беспокоило. Да и животные не селились в бывших обиталищах драконов – бояться было нечего.

По какой-то причине, чем глубже забирался Нуска, тем светлее становилось. Оглядевшись, он наконец смог разглядеть облепивших свод светочей. Только вот... хоть они и излучали свет, но не были живыми. Что-то похожее на смолу замуровало маленьких созданий в трещинах скалы. Подобно ночному небу или огням люстры, они роняли дрожащий

золотой свет на каменную тропинку под ногами.

Нуска пробирался вперед медленно и аккуратно. Его манило это таинственное место. Здесь было еще холоднее, чем снаружи, а кое-где влажные выступы покрылись коркой льда. Ступая в полутьме, Нуска увидел блеснувший впереди выход, но не стал спешить. Длинный тоннель вел случайно заблудшего в древнее обиталище дракона лекаря в главную пещеру. Остановившись у стены, Нуска замер.

Ослепительно-яркий теплый свет лился с потолка. Тысячи светочей освещали пещеру, как звезды – землю. А длинная, в несколько метров, стена была исчерчена странными письменами. Выцарапанные в камне черточки не могли быть ни человеческим языком, ни шуткой природы.

«Это... драконий язык?» – предположил Нуска.

Но, не успев как следует обдумать свою догадку, лекарь заметил мелькнувшую впереди фигуру. Кто был настолько же любопытен и беспечен, чтобы забрести сюда?

«Нет, не говорите мне...»

Духи действительно забавлялись, бросая кости на небесах. Так же, как ночь всегда находили рассветные лучи, они тоже вновь и вновь встречались.

Сердце забилося так, что хотелось заткнуть его каким-нибудь тряпьем, лишь бы оно не выдало его местонахождение. Закрыв рот рукой и затаив дыхание, лекарь вновь выглянул из тоннеля, чтобы как следует разглядеть сурии в длинной черной накидке.

«Син, почему ты здесь? Вряд ли у тебя есть время, чтобы изучать пещеры. Вряд ли ты случайно наткнулся на нее, как я. Не говори мне, что это пещера Тиамы, а ты решил сюда вернуться и вспомнить былые деньки».

За эти месяцы он ни капли не изменился. Син никогда не менялся. Взгляд его голубых глаз был направлен вперед: не думая о своей безопасности, он поднимал щит над головой народа. Делал ли он это в бою, или сидя в своем кабинете, или даже сейчас, изучая таинственные письма на стене, — неважно, главное — он делал это всегда.

Вкусы Сина менялись. Он мог напиваться ежедневно до беспамятства, а мог не брать в рот ни капли алкоголя месяцами. Он мог наесться на пиру, а затем не касаться хлеба сутками. Мог сегодня наслаждаться цветами, а завтра — разглядывать замысловатые трещины на камнях.

Но люди слишком много размышляют о том, что им нравится, а что нет, думая, будто это их определяет. Однако на самом деле любишь ли ты сладкое или острое — совершенно неважно.

Значение имеет то, что ты делаешь изо дня в день.

И в этом Син был самым постоянным и непоколебимым человеком в мире. Если скалу со временем точили дожди и ветра, то его ничто не могло пошатнуть.

Его внутренняя суть была девственно-чиста, как у новорожденного ребенка. Он не завидовал, не обвинял других, не обижался, не хотел многого, но и не отказывался от того,

что у него есть.

Его внешняя сложность и внутренняя простота так притягивали Нуску, что лекарь мог наблюдать за этим человеком часами. Нуска любил его так, как люди могут любить короля или духов.

Но Син ненавидел себя. И в этом состояло их главное и единственное разногласие.

Нуска хотел спасти Сина, а Син желал пожертвовать собой.

Первым желанием Нуски было – выбежать вперед, рассказать, как ему было тяжело. Расспросить, как дела у Сина. Но...

«Он не расскажет, как у него дела. Он расскажет, как дела у Скидана».

Взгляд Нуски потемнел, сердце забилося медленнее. Казалось, вот-вот – и оно остановится навсегда.

«Если твое сердце остановится, я запущу его вновь».

«Я защищу тебя».

«Ты – тот свет, что озарил мою жизнь».

Глупые и беспечные слова Сина имели столько же смысла, сколько звон разбивающихся о камень капель. Как тихий стук воды эхом разносился по пещере, так и в голове лекаря, не замолкая, звенели заявления эрда.

Нуска развернулся и очень тихо побрел прочь. Он успел заметить, что Син внимательно изучал надписи на стенах, а также делал пометки в своей записной книге. Видимо, он

пришел сюда, чтобы узнать что-то новое о драконах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.